

О РОЛИ ПРИРОДНЫХ ФАКТОРОВ В ИСТОРИИ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XI–XVI ВВ.)

ON THE ROLE OF NATURAL FACTORS IN THE HISTORY OF THE NOMADIC POPULATION OF THE NORTH CAUCASUS (XI-XVI CENTURIES)

V. Fomenko
A. Dzhumagulova

Summary: The history of the multinational population of the North Caucasus is an important part of the national Caucasian studies. Nomadic and semi-nomadic tribes and peoples have always played a significant role in the life of this region. In turn, the essential aspects of the nomads' life were largely determined by natural-climatic and especially orographic factors. The relevance of the problem we are investigating is due to the low level of study of these aspects. The purpose of this study is to characterize the influence of a few natural and climatic factors on the history of the nomadic population of the North Caucasus during the XI-XVI centuries. The article uses written historical sources, data from archeology and folklore. The methodological basis of the work is the principles of consistency, scientific objectivity, and historicism. Narrative, typological, historical-genetic and retrospective, historical-comparative methods and the method of periodization were used. The article discusses some issues of terminology.

Conceptually characterized, due to the influence of natural and climatic factors, the features of settlement, migration, and demography of steppe ethnic groups of the North Caucasus: Polovetses, Mongol-Tatars, Nogais. The authors pay special attention to the role of the orographic factor in the history of nomads, aspects of their adaptation to life in mountainous and foothill territories, as well as the processes of ethno- and cultural genesis. Some aspects of the processes of sedentarization among the nomadic population and nomadization among neighboring ethnic groups are considered.

Keywords: North Caucasus, the Middle Ages, orography, natural and climatic factors, nomads, nomadization, sedentarization, mounds, Polovetses, Mongol-Tatars, Nogais.

Фоменко Владимир Александрович

кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский государственный университет
fva2005@gmail.com

Джумагулова Айгуль Темерхановна

кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский государственный университет
fva2005@gmail.com
aigul-men@mail.ru

Аннотация: История многонационального населения Северного Кавказа является важнейшей частью отечественного кавказоведения. Кочевые и полукочевые племена и народы всегда играли значительную роль в жизни данного региона. В свою очередь существенные аспекты жизни кочевников во многом определялись природно-климатическими и особенно орографическими факторами. Актуальность исследуемой нами проблемы связана именно с малой изученностью этих аспектов. Целью настоящего исследования является характеристика влияния ряда природно-климатических факторов на историю кочевого населения Северного Кавказа на протяжении XI–XVI вв. В статье использованы письменные исторические источники, данные археологии и фольклора. Методологической основой работы являются принципы системности, научной объективности и историзма. Используются нарративный, типологический, историко-генетический, ретроспективный, историко-сравнительный методы и метод периодизации. В статье рассмотрены некоторые вопросы терминологии.

Концептуально характеризуются, в связи с влиянием природно-климатических факторов, особенности расселения, миграций, демографии степных этносов Северного Кавказа: половцев, монголо-татар, ногайцев. Особое внимание авторы уделяют роли орографического фактора в истории кочевников, аспектам их адаптации к жизни на горных и предгорных территориях, а также процессам этно- и культурогенеза. Рассмотрены некоторые аспекты процессов седентаризации у кочевого населения и номадизации у соседних этносов.

Ключевые слова: Северный Кавказ, эпоха Средневековья, орография, природно-климатические факторы, кочевники, номадизация, седентаризация, курганы, половцы, монголо-татары, ногайцы.

Введение

Северный Кавказ является частью южной периферии обширного пояса степей Евразии. Через Кавказ как мост тысячелетиями происходило распространение важнейших культурных достижений, в т. ч. передовых технологий древности и Средневековья. Благодаря этому история и культура народов Предкавказья обладает глубокой исторической памятью и духовными богатствами. Уже в эпоху ранней бронзы в Предкавказье проживало население в жизни которого

большое значение играли сезонные миграции на значительные расстояния, в т. ч. за пределы региона [22, с. 32–33]. В эпоху поздней бронзы и раннего железного века роль кочевников и полукочевых племен в истории Северного Кавказа значительно возросла. В Средние века степи нашего региона были заняты сменяющимися друг друга племенами тюрков, а позднее монголо-татарами. Жизнь кочевников существенно зависела от многих природно-климатических факторов. Еще большее влияние эти факторы оказывали на кочевников, проникавших и оседавших в предгорных и особенно в горных областях.

Рассмотрение названных природно-климатических особенностей и определяет актуальность темы настоящей публикации.

Отдельные аспекты проникновения кочевого населения в предгорья и горные территории Северного Кавказа, а также процессы адаптации номадов к местным условиям рассматривались в региональной историографии до нас. Но эти публикации были посвящены отдельным этносам и небольшим субрегионам, решая в основном проблемы реконструкции этнической истории и культурогенеза ряда здешних народов. Данной проблематике посвящены работы Е.П. Алексеевой [1], В.М. Батчаева [4], Х.Х. Биджиева [5], Л.И. Лаврова [11], Е.И. Нарожного [13], Г.С. Федорова [20], Я.А. Федорова [21], одного из авторов [22] этих строк и др.

Целью статьи является выяснение роли природно-климатических факторов в истории кочевого населения Северного Кавказа XI–XVI вв. на основе анализа письменных источников, данных фольклора и региональной археологии. Наше исследование данной проблемы проведено на современном научном уровне, что и составляет его новизну.

Об используемой терминологии

Природные условия для жизни человека на Северном Кавказе разнообразны. Степные и полупустынные области севера Предкавказья переходят южнее и ближе к горам в лесостепи и леса. Восточная и центральная части региона обладают более засушливым климатом, и лесов здесь меньше. Около двух третей всего Северного Кавказа занимают равнины. В литературе Предкавказьем принято называть именно равнинно-плоскостные области Северного Кавказа. Однако мы используем термин «Предкавказье» практически как синоним Северного Кавказа. Понятно, что Предкавказье не включает в себя горные местности.

Климат, рельеф и развитие речной сети на равнинных территориях Северо-Западного Кавказа, в широкой полосе предгорий и низкогорий всего Предкавказья были благоприятны для жизни предков современных народов в отличие от степных и полупустынных областей северной и северо-восточной части региона. Предгорья хорошо подходили для развития земледелия и скотоводства, занятий охотой и рыболовством. Горные субальпийские и альпийские луга выполняли важную роль в отгонно-скотоводческом направлении экономики. Разнообразное и важнейшее значение для региона имели приморские территории и долины реки. Наиболее протяженными и мощными водными артериями Северного Кавказа являются реки Кубань, Кума и Терек [22, с. 7–8].

Важно также учитывать, что процессы номадизации, седентаризации и реномадизации проходили в разные периоды времени и в среде неочевидного населения Предкавказья, контактировавшего со степняками. Часто степень подвижности населения можно назвать полукочевой (переходной к оседлой). Природно-географические условия региона способствовали седентаризации кочевых сообществ, а наибольшая устойчивость кочевого образа жизни характерна для полупустынных и засушливых степных районов.

Следует также учесть, что одним из признаков кочевого подвижного образа жизни может служить бытование курганного обряда погребения в т. ч. сооружение курганных насыпей. В частности, подкурганый обряд погребения характерен для средневековых кочевников юга Восточной Европы – половцев. В Предкавказье часто их погребения впускались в насыпи более ранних курганов, например, в курганы эпохи бронзы. Кроме того, курганый обряд погребения в эпоху Средневековья был характерен и для адыгского населения. Причем пережитки традиции возведения курганной насыпи встречались у адыгов до XIX столетия [22, с. 70].

Потому рассмотрение подкурганного обряда захоронения как этномаркирующего признака половецкого населения, вероятно, заслуживает отдельного и более детального рассмотрения, в частности, с учетом особенностей устройства курганной насыпи. Бесспорно, что для половцев были характерны накурганые святилища с каменными изваяниями. Но эти памятники довольно редки и функционировали в регионе, вероятно, только до монгольского завоевания. У ногайского населения Предкавказья исламские религиозные традиции длительное время сосуществовали с досламскими верованиями, а уважение к степным курганам сохраняется и в наши дни [24, с. 204–231].

Обзорно рассмотрим основные вехи истории кочевников (половцев, монголо-татар, ногайцев) Северного Кавказа XI–XVI вв. с учетом влияния природно-климатических факторов на их расселение, перемещения, демографию и т. д.

Половешкий и золотоордынский этапы в истории кочевников Северного Кавказа

Процессы освоения кипчаками равнинной части Северного Кавказа недостаточно отражены в средневековых письменных источниках. Благодаря изучению половецких древностей юга России археологами и историками-медиевистами установлено, что продвижение кипчаков в степи юга Восточной Европы произошло в середине XI в. [17, рис. 50].

Во второй половине XI и начале XII в. половцы часто

совершали набеги на древнерусские княжества и, видимо, основная часть кочевников находилась в степях Северного Причерноморья. Но менее многочисленные группы половцев занимали равнинную часть Предкавказья.

Археологические исследования фиксируют значительное усиление в XI–XII вв. кочевнического (половецкого) влияния на погребальный обряд аланского населения предгорий Северного Кавказа. Известны отдельные половецкие захоронения в курганах плоскостных и предгорных областей Центрального Предкавказья [18, с. 81].

Более многочисленны половецкие погребения в степях Прикубанья. Исследователи относят усиление половецкого присутствия в Прикубанье к началу XII в. и связывают этот процесс с уходом орды хана Атрака от границ древнерусских княжеств. По приглашению грузинского царя Давида IV Строителя часть орды, возглавляемая Атраком, из степей Предкавказья ушла в Закавказье. Половцы в качестве наемников участвовали в боях с сельджуками и в подавлении выступлений грузинских феодалов [10, с. 54–55].

Перемещение орды Атрака в степях Предкавказья, возможно, первоначально привело к конфликтам с аланами, адыгами и другими группами половцев (кипчаками дербентскими). Но установление половецко-аланского мира около 1118 г. позволило степнякам стать мощной военной силой в регионе до вторжения монголов на Северный Кавказ. В грузинской летописи Картлис Цховреба этот союз половецких племен называется Великой Кипчакией [9, с. 107–111].

Завоевательные походы монголо-татар первой половины XIII в. привели к тому, что значительная часть половцев Северного Причерноморья ушли на Северный Кавказ. Автор XIII в. Ибн ал-Асир о событиях, происшедших после разгрома половцев монголо-татарами в 1223 г., писал, что кипчаки бежали и укрылись в болотах и горах. Позже автор XVII в. Абу-л-Гази, опираясь на более ранние источники, сообщал, что большая часть побежденных половцев перешли на земли черкесов и туманов. Землями туманов можно считать болота в низовьях Терека или болотистые низовья Кубани и Тамань. Интересно, что адыгейское слово «темэн» переводится как «болото». Походы Менгу-хана в 1236–1240 гг. также вызвали переход половцев на Северный Кавказ. После 1236–1237 гг. половцы перестают упоминаться в русских летописях [15, с. 10–13].

Итак, в результате походов монголов 1222–1223 и 1238–1240 гг. Северный Кавказ был завоеван и вошел в состав улуса Джучи, или Золотой Орды. Часть половцев, после разгрома, была покорена завоевателями и присо-

единилась к монголам. Однако многие кипчаки вынуждены были поселиться в болотистых местностях Предкавказья и более южных горных районах.

Основу населения степей Северного Кавказа в XIII–XIV вв. составляли половцы. По данным Е.И. Нарожного, состав населения в регионе в это время не был чисто половецким. В плоскостных областях присутствовали также черные клобуки, монголы, группы выходцев из Южной Сибири и Дальнего Востока [14, с. 204–212].

На территории Предкавказья появляются торговоремесленные центры - золотоордынские города: Азак, Верхний и Нижний Джулат, Маджар. В этих городах проживало половецкое и монгольское население, адыги, аланы, выходцы из Закавказья, Средиземноморья (Генуи) и Средней Азии, русские и армянские ремесленники, купцы еврейского происхождения. Кочевое население Северного Кавказа культурно и экономически было в значительной степени привязано к местным городским центрам.

На XIII–XV вв. приходится расцвет деятельности генуэзских торговых поселений – колоний в северо-восточной части Азово-Черноморского побережья. Этому способствовали золотоордынские правители, заинтересованные в развитии торговли. Благодаря генуэзским колониям в XIII–XV вв. в Приазовье появилась и существовала ордыно-латинская зона контактов. Ее развитие связано с деятельностью ответвлений Великого шелкового пути, ростом городских центров Крыма и Северно-Западного Причерноморья. Вблизи от ордыно-латинской контактной области, в Закубанье, в XIII в. начинает складываться белореченская культура, известная по раскопанным на рубеже XIX–XX вв. богатым курганам XIII–XV вв. у станицы Белореченской Кубанской области. Здесь было выявлено множество предметов роскоши из Южной Европы, Ближнего Востока и других стран, в т. ч. остатки богатых одеяний из шелка и парчи.

Одним из наиболее уникальных белореченских комплексов является погребение в медном гробе в кургане № 1 из раскопок 1897 г. Здесь был похоронен золотоордынский военачальник – танмачи (тюрк. баскак), командовавший местным черкесским вооруженным контингентом и находившийся на службе у правительства Улуса Джучи [8, с. 79–89].

Материалы белореченской культуры свидетельствуют о процессах формирования в Прикубанье в XIII–XV вв. нового этноса, включавшего в себя кочевников (половцев и потомков монголов), оседло живущих адыгов и франков (генуэзцев). О подвижном характере жизни знати белореченцев говорит устойчивость обряда подкурганного погребения.

Носители белореченской культуры в золотоордынское время и позднее проникают на территорию Центрального Предкавказья. Например, здесь в погребениях знати появляются некоторые особенности погребального обряда. Это помещение усопших в гробы с медной обивкой или обшивкой, а также часть вещей в погребальном инвентаре (амулетницы, импортные сосуды, одежда, ткани, украшения и т. д.). Памятники с элементами белореченской культуры известны в Осетии (у селения Махческ и могильник Сухая балка близ Владикавказа), в Кабардино-Балкарии (Заюковский I грунтовый и Зарагижский курганный могильники). Е.И. Нарожным было высказано предположение, что могильник Сухая Балка, расположенный у входа в Дарьяльское ущелье, оставлен кочевниками, потомками монголов [13, с. 200].

Особенные черты кладбища у селения Махческ в Дигории и курганных захоронений у селения Зарагиж у входа в ущелья Черека, находят подтверждения в местном фольклоре. В дигорских и балкарских преданиях говорится о двух братьях – родственниках маджарского хана – Баделе и Басиате. Братья пришли в горы из бывших ордынских владений в степном Предкавказье. Бадел основал династию правителей Дигории, а Басиат – в Балкарии [22, с. 64–66].

Логичный интерес вызывает исследование филолога Х.И. Суюнчева. Он рассмотрел карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели [19, с. 144–148]. Как было установлено, таких аналогий и связей насчитывается не мало. К сожалению, автор исследования ограничился в основном языковедческой стороной темы. Однако карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели могут быть рассмотрены также в историческом и этногенетическом аспектах.

Важно также учесть широкий ареал распространения в Предкавказье калмыцких топонимов [12, с. 86–88]. Возможно, что часть этих географических названий имеет более раннее монгольское происхождение, т. к. калмыки являются одним монгольских народов. Вероятность наличия в регионе позднесредневекового слоя монгольской топонимики подтверждается присутствием на Ставрополье археологических памятников монгольской золотоордынской знати. Ярким примером является могильник у города Новопавловска [7, с. 105–109].

Следует отметить, что ослабление центральной власти в Золотой Орде и особенно вторжение войск среднеазиатского правителя Тимура привели к разрушению экономики этого государства и сокращению численности населения степей Предкавказья. Этому же способствовали развитие работоторговли с участием генуэзцев и эпидемии. Распад Золотой Орды на столетия сделал Северный Кавказ периферией постордынского мира.

Роль половцев в этногенезе местных народов

Значение половецко-кипчакского компонента в формировании ногайского этноса детально и аргументировано рассмотрено в исследовании М.А. Гимбатовой. Автор пришла к выводу о том, что непосредственными предками ногайцев являются тюркские (в основном кипчакские) и тюркизированные монгольские племена (мангыты). Язык и материальную культуру ногайцы унаследовали от половцев. Ногайская народность формировалась на значительной степной территории Поволжья, Прикаспия и Приаралья в конце XIV — начале XV в. [6, с. 24]. Видимо и половецко-ордынское население степного Предкавказья того времени тоже вошло в состав ногайского этноса.

На Северном Кавказе, кроме ногайцев, издавна проживают еще три народа, языки, которых относятся к кипчакской группе тюркских языков (кумыки, балкарцы и карачаевцы).

Существуют различные концепции происхождения кумыков, балкарцев и карачаевцев, где значение влияния половецкого населения на этногенез оценивается по-разному. На процессы этногенеза в данном случае, несомненно, влияли природные (орографические, климатические и другие) условия районов формирования этих народов.

Довольно устойчивы и популярны, сложившиеся в послевоенный период, представления о том, что эти изначально местные кавказоязычные этносы Северного Кавказа были тюркизированы, и последним, наиболее значительным, этапом этого процесса был половецкий, проходивший в XI–XIV вв. [1, с. 41].

Известный российский этнограф Л.И. Лавров еще в публикации 1969 г. отмечал, что происхождение балкарцев и карачаевцев связано с кипчаками, близко родственными им по языку [11, с. 380–383].

Вероятно, численно небольшой этнос, появившийся в Балкарской котловине в постзолотоордынскую эпоху, впитывал в себя выходцев из Дигории, Сванетии и других соседних областей [2], которые численно превосходили балкарцев и карачаевцев. Тем не менее, кипчакский язык, служивший, по крайней мере, с золотоордынского времени на юге Восточной Европы языком межнационального общения и проникший в горные котловины, оказался устойчивым.

Существуют параллели в материальной и духовной культуре этносов, генетически между собой не связанных, но проживающих на одной территории, в определенных орографических и климатических условиях [25, 213–219]. Наиболее значительное влияние на процессы

этногенеза балкарцев и карачаевцев в горных ущельях Центрального Кавказа оказали притоки степного тюркоязычного (кипчакского) населения из Прикумья («маджарцы» [3, с. 160–177]), низовий Терека и Крыма, что и объясняет ближайшее сходство карачаево-балкарского языка с кумыкским, караимским и крымскотатарским языками. Эта концепция находит археологические и исторические подтверждения [23, с. 489].

Г.С. Федоров-Гусейнов считал, что кумыки – местное население, с древности занимавшее равнинные области Дагестана. На местные племена в эпоху Средневековья большое влияние оказывало пришедшее тюркоязычное население (гунны, болгары, савиры, барсилы, хазары, огузы, половцы-кипчаки и др.). Гаджи Саидович упоминал также, что среди северных кумыков, живущих в Бабаюртовском и Хасавюртовском районах, существуют ногайские (монголоидные) черты и писал, что, «многие ногайцы называют себя кумыками» [20, с. 132–139]. Следует отметить, что взгляды Г.С. Федорова на этногенез кумыков разделяет и поддерживает ряд ученых.

Однако исследователи А.М. Аджиев, К.М. Алиев, Г.-Р. А.К. Гусейнов и др. предполагают, что предки кумыков были тюрками изначально. Эта гипотеза подтверждается данными физической антропологии, топонимики, этимологии, фольклористики и других наук.

Расположение экзистенциального пространства кумыков в XVIII в. показывает, что плоскостные районы между горами Дагестана и Ногайской степью, рядом с ветвью торгово-обменного пути, проходившего по западному побережью Каспийского моря, несомненно, способствовали формированию тюркоязычного этноса на протяжении всего Средневековья и Нового времени. Согласно данным современных исследователей, предками кумыков были преимущественно степные народы (гунны, болгары, савиры, барсилы, хазары, огузы, половцы-кипчаки) с несомненным участием соседних горских этносов Дагестана. Эту гипотезу подтверждает существование в XI–XIII вв. у более южного участка Каспийского пути «дербентских кыпчаков». Как считает историк Я. В. Пилипчук, данная конфедерация племен имела неоднородный этнический состав, но верхушку их общества составляли кипчаки [16, с. 57].

Заключение

В результате исследования авторы пришли к следующим выводам:

1. История половецкого населения Предкавказья во второй половине XI — начале XIII в. показывает, что данный довольно многочисленный и воинственный этнос освоил равнинно-предгорную часть территории региона. Кипчаки сохраняли значительную подвижность, перемещаясь в ареале от южных границ Древней Руси до Закавказья.
2. Разгром монголами половцев в первой половине XIII в. привел к уходу части этого населения ближе к горам (Засулакский Дагестан) и в труднодоступные межгорные котловины в верховьях Черема. Эти группы населения в значительной мере восприняли материальную культуру и духовные ценности соседних горских этносов, но сохранили языки близкие к половецкому.
3. Монгольское завоевание и политика Золотой Орды привели к значительному развитию кочевнической и городской культуры населения равнин Предкавказья. Начали формироваться новые группы этнически смешанного происхождения. Например, белореченская культура в Прикубанье. Кочевники золотоордынского времени проникали в горные местности Северного Кавказа и оказывали влияние на местное население. Развитие караванной торговли и расширение международных экономических связей в регионе имело и отрицательные последствия (рост работорговли, эпидемия чумы и др.).
4. Поход Тимура и разрушение экономики Золотой Орды усилили внутренние противоречия и нестабильность государства. Отдельные группы золотоордынского населения переместились в горы (например, «маджарцы»). В XV в. население степей и равнин Предкавказья, очевидно, сократилось из-за социально-экономической нестабильности и большего распространения работорговли.
5. В XVI в. не прекращается отток кочевников из Предкавказья в т. ч. в межгорные котловины из-за крымскотатарской опасности и междоусобных распрей. Продолжаются процессы формирования и адаптации к природным условиям горских тюркоязычных этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1963. 94 с.
2. См. например: Барзбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII — начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2000. 112 с.
3. Батчаев В.М. «Мы пришли из Маджар» – факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа: сборник научных трудов. Черкесск: Карачаево-Черкесский ордена «Знак почета» НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1988. С. 160–177.

4. Батчаев В.М. Предкавказские половцы и вопросы, тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы истории Кабардино-Балкарии. Выпуск. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики, 1980. С. 79–95.
5. Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа (болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы). Черкесск: Карачаевско-Черкесское полиграфическое объединение, 1993. 374 с.
6. Гимбатова М.Б. Роль половецко-кипчакского компонента в формировании ногайского этноса: автореферат дисс. . . канд. ист. наук. Махачкала, 1998. 25 с.
7. Горелик М.В. Находки на Ставрополье и сложение монгольской имперской культуры // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. №1. С. 105–109.
8. Горелик М.В. Панцирь танмачи из медного гроба // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2011. № 2. С. 79–89.
9. Гуркин С.В. Степное Предкавказье в системе половецких степей // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы VII археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999 г. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2000. С. 107–111.
10. Зеленский Ю.В. Структура войска у половцев Предкавказья // Магистерיום. Сборник научных трудов аспирантов и студентов кафедры истории и музееведения. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2004. Выпуск. 2. С. 54–60.
11. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. 555 с.
12. Манджиева Э.Б., Кичикова Н.А. Гидронимы калмыцкого происхождения на территории юга России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2017. № 8 (121). С. 86–88.
13. Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир: Центр археологических исследований АГПУ, 2005. 210 с.
14. Нарожный Е.И. Этнокультурный состав кочевого и оседлого населения северокавказских владений Золотой Орды: некоторые итоги и перспективы изучения // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Том. I. С. 204–212.
15. Новичихин А.М. О половцах в Северо-Восточном Причерноморье // Былые годы. 2010. № 3 (17). С. 10–13.
16. Пилипчук Я.В. Дербентские кыпчаки (к постановке вопроса) // V Оразовские чтения: Вклад тюркской цивилизации в развитие науки и образования. Материалы международной научно-практической конференции. Шымкент: типография «Элем», 2019. Том II. С. 47–60.
17. Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья (IV–XIII вв.). Воронеж: Издательство ВГУ, 2003. 248 с.
18. Савенко С.Н. Этнокультурная принадлежность богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-гора // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 75–92.
19. Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1977. 174 с.
20. Федоров Г.С. История происхождения кумыков. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1996. 176 с.
21. Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М.: Изд-во МГУ, 1983. 128 с.
22. Фоменко В.А. Археологические культуры Северного Кавказа эпохи древности и Средневековья (проблемы выделения и культурно-этнической атрибуции). Нальчик: РИО-ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 164 с.
23. Фоменко В.А. Отзыв о книге А.В. Сивер «Этническая история и традиционная культура народов Северного Кавказа». Новороссийск — Пятигорск, 2008. — 138 с. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008. № 15. С. 483–492.
24. Фоменко В.А., Джумагулова А.Т. Древние и средневековые курганы в истории и культуре ногайского населения Степного Прикумья (историографический и этнологический аспекты исследования) // Кавказология. 2020. № 2. С. 204–231. DOI 10.31143/2542-212X-2020-2-204-231.
25. Хазанов А.М. Сармато-калмыцкие параллели (к вопросу о закономерностях кочевого хозяйства в однотипной экологической обстановке) // Проблемы алтаистики и монголоведения: материалы конференции (г. Элиста, 17-19 мая 1972 г.). Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1974. Выпуск. I. С. 213–219.

© Фоменко Владимир Александрович (fva2005@gmail.com), Джумагулова Айгуль Темерхановна (fva2005@gmail.com, aigul-men@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»